

Ширма «Солнце, Луна и пять пиков» (*Ирволь обон пён*) как символ монаршей власти в средневековой Корее*

Н. А. Чеснокова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Чеснокова Н. А. Ширма «Солнце, Луна и пять пиков» (*Ирволь обон пён*) как символ монаршей власти в средневековой Корее // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 3. С. 379–390.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.310>

Рассматривается один из символов власти монарха (вана) в Корее периода правления династии Чосон (1392–1897) — ширма «Солнце, Луна и пять пиков» (*Ирволь обон пён*). Ширма, элемент государственного ритуала, согласно исследованию автора статьи, подчеркивала особенное, «центральное» положение вана, его связь с мирозданием. По мнению современных южнокорейских историков, впервые ширма появляется на прижизненном портрете основателя династии Чосон Ли Сонге (Тхэджо, 1335–1408, правление 1392–1398), написанном в 1393 г. Автору, однако, данное утверждение кажется необоснованным в связи с тем, что прижизненный портрет Ли Сонге не сохранился, и в наши дни известна лишь его копия, созданная в XVIII в. Именно в этот период в Корее происходит укрепление этнического самосознания, выраженное через повышенное внимание к исконно корейским ценностям и противопоставлению «своего» — корейского и «чужого» — маньчжурского (т. е. относящегося к Цинскому Китаю). Опираясь на ряд изученных иллюстрированных летописей *ыйгве*, автор склоняется к выводу о том, что изначально ширма была лишь одним из символов монаршей власти и вышла на первый план лишь в XVIII–XIX вв. Традиционно ширма помещалась позади трона так, чтобы ван оказывался по центру, между двумя абсолютно симметричными изображениями, различавшимися лишь тем, что на одном сияло Солнце, а на другом — Луна. Согласно авторским выводам, в таком положении ван символически оказывался властителем пространства и времени.

Ключевые слова: Корея, *Ирволь обон пён*, *Ирволь обон до*, Солнце, Луна и пять горных пиков, сакрализация власти, легитимность правления.

Ширма «Солнце, Луна и пять пиков» 日月五峯屏 (*Ирволь обон пён*¹) — непременный атрибут Тронного зала каждого корейского дворца в течение правления династии Чосон (1392–1897)². Ставили такие ширмы и за королевскими пор-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-39-00158 «Освоение» и «присвоение» пространства: формирование корейской этнической самоидентичности в XVII–XVIII вв. через реорганизацию культурного пространства региона).

¹ Здесь и далее корейские слова транскрибированы по системе Л. Р. Концевича — основной системе записи корейских слов на русском, украинском и белорусском языках. Система разработана Л. Р. Концевичем на основе более ранней транскрипции А. А. Холодовича.

² В отечественном и мировом корееведении существуют два способа обозначения этой династии — «династия Ли» (по фамилии правящего клана) и «династия Чосон» (по названию государства). Согласно историографической традиции, заложенной известными корееведами В. М. Тихоновым, Т. М. Симбирцевой, мы используем понятие «династия Чосон» и прилагательное «королевский».

третами [1 с. 357]. В большинстве случаев она располагалась позади обращенного на юг трона, называемого «нефритовым» *окхва* 玉座 или «драконьим» *ёнсан* 龍床 [1, с. 354].

Состоящий из одной, четырех, шести или десяти частей деревянный каркас ширмы украшался резьбой в виде голов драконов. На нем закреплялась большая картина на шелке с изображенными Солнцем, Луной, пятью горными пиками, водопадом и соснами, дающая название всей ширме — «Изображение Солнца, Луны и пяти пиков» 日月五峯圖 (*Ирволь обон до*). Также она известна как «Изображение Солнца и Луны» 日月圖 (*Ирволь до*), «Ширма пяти вершин» 五峯屏 (*Обон пён*), «Ширма пяти вершин гор» 五峯山屏 (*Обонсан пён*), «Изображение Солнца, Луны и пяти пиков» 日月五岳圖 (*Ирволь оак до*) и «Изображение Солнца, Луны и гор Куньлунь» 日月崑崙圖 (*Ирволь Коннюн до*).

На настоящий момент известны более двадцати ширм разного размера [2–4]. Среди них, например, шестичастная ширма, размер каждой секции которой 196,5×61 см; четырехчастная ширма с секцией 182,8×117,8 см; шестичастная ширма с секцией 150,5×55,3 см. Большинство хранится в Государственном музее старых дворцов (Сеул), некоторая часть — в личных коллекциях. Несмотря на то что рисунок почти идентичен, каждая из ширм уникальна. Ни на одной из них нет указаний на имя или придворную должность художника, нет сведений и о годе изготовления. Основной источник сведений об этих ширмах — «Подневные записи королевского секретариата» 承政院日記 (*Сынджонвон ильги*), а также иллюстрированные летописи — «книги установленного ритуала» — *ыйгве* 儀軌. При этом Ли Сонми, искусствовед из Республики Корея, замечает, что в официальных корейских документах — «инструкциях для потомков» — нигде нет информации о процессе изготовления ширмы «Солнце, Луна...», хотя говорится об иных ширмах, используемых во время пиров и на погребальных церемониях [5, р. 466].

Судя по всему, каждая ширма представляла собой значимую ценность — в королевских династийных хрониках «Истинные записи (правления) династии Чосон» 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*) есть обращение чиновника Ли Джонбо 李鼎輔 к вану Ёнджо 英祖 (1694–1776, правление 1724–1776) об изношенности одной из ширм. В ответ ван приказал не создать новую ширму, а отреставрировать старую — указывается, какие именно материалы для этого должны понадобиться [6].

Несмотря на явную ценность ширмы «Солнце, Луна...» для корейской культуры, в отечественном и мировом корееведении она изучена недостаточно. Выделяются искусствоведческие работы Ли Сонми [5] и Ким Хоннама [7], посвященные художественным особенностям изображения, монография «Владыки старой Кореи» (2012) Т.М. Симбирцевой [1], где впервые в отечественном корееведении предложено краткое описание ширмы и ее символического значения в культуре Кореи. Наше же исследование призвано систематизировать известную информацию и на основе государственных летописей выдвинуть предположение о значении ширмы в государственном ритуале в поздний период Чосон.

Семиотическое значение символов на ширме

«Солнце, Луна и пять пиков»

Прослеживая истоки возникновения художественных образов ширмы, Ли Сонми обращается к китайской классике, созданной в первые века до нашей эры — «Книге песен и гимнов» 詩經 (*Ши цзин*), а именно к песне «Славословие царю» (II, I,6) [5, с. 481–482]:

Небо навеки храни тебя, царь!
Сила твоя да пребудет тверда,
Благо и счастье да будут тебе,
Да не иссякнут они никогда!
Многие небо щедроты пошлет,
Несть им числа, на года и года!
<...>
Небо навеки храни тебя, царь!
Пусть и все царство твое процветет,
Точно гора иль вершина холма,
Точно утес или горный хребет,
Точно река, что в разливе своем
Все полноводнее мчится вперед.
<...>
Ты как луна, чье сиянье растет,
Ты как пресветлого солнца восход!
Вечностью жизнь да сравнится твоя
С южной горой, что вовек не падет,
Ты как на туях и соснах хвоя,
Что в бесконечном преемстве живет! (пер. по: [8, с. 131–132])

В «Славословии царю» упоминаются хранящее правителя небо, Луна, Солнце, гора, холм, утес, хребет, река, а также туи и сосны. «Расцвет царства» связывается с горой, утесом, хребтом и полноводной рекой; а государь — с Солнцем, Луной, горой, вечнозеленой хвоей на соснах и туе. Таким образом, вся природа фактически подчинена идеальному облику монарха и его правлению.

Вместе с тем Ким Хоннам сомневается, что поводом к появлению картины стало именно «Славословие царю». По его мнению, сюжет мог опираться на традиционные корейские символы вечности и постоянства [7, р.9–11]. Действительно, на ширме мы видим традиционные корейские изображения и Луны, и Солнца, и гор, и сосен, и рек, при этом обращения к небесным светилам, в первую очередь к Солнцу и Луне, встречаются уже в первые века корейской истории и с правителем не связываются. Так, в Силла (57 г. до н.э. — 935 г.) в священном лесу Мунёль для них устраивались жертвоприношения [9, с. 429]. В росписи гробниц Когурё (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.), сохранившихся до наших дней, также присутствуют оба светила. Известно, что в народе существовал культ «духа Солнца и Луны» (*ирволь сонсин*), к которому обращались с просьбами об урожае, поэтому едва ли возможно говорить о том, что у светил была только одна всем известная интерпретация.

Однако именно «Славословие царю» вдохновило китайских придворных художников XII–XVII вв. на создание картин, изображающих природу и одновременно восхваляющих правителя. Важно при этом, что хотя на картинах фигурировали

одни и те же природные элементы, их композиция и расположение были отличны от тех, что позднее стали изображаться на корейской королевской ширме. Более того, даже если принять верной гипотезу о китайском происхождении ширмы, то сама идея о расположении ее за тронном каждого правителя — именно корейская. Есть отдельные упоминания о некоей ширме, стоявшей за тронном правителя Рюкю, однако на ней не было ни пяти горных пиков, ни сосен — только Солнце, Луна и морские волны [10, с. 21]. Таким образом, можно говорить о том, что в Корее изображенные на ширме символы приобрели дополнительный смысл и оказались «вписаны» в государственный ритуал.

Мы полагаем, ширма «Солнце, Луна и пять пиков» отразила в себе глубинные представления корейцев о мироздании и повлияла на дальнейшее складывание национальной картины мира, формирующейся «на основе впечатлений, производимых национальной природой, климатом, рельефом, величиной открытого пространства» [11, с. 61].

На ширме отражены базовые природные элементы. Каждый из них многозначен и должен рассматриваться как обособлено, так и в контексте общей картины и возможных сочетаний. В разных вариантах корейские народные художники изображали их задолго до того, как ширма появилась, — примером могут являться картины «Десять символов долголетия» 十長生圖 (*Сипчансэndo*) [12, р. 129–131]. В рамках статьи, цель которой — выявить значение ширмы в государственном ритуале, мы не можем подробно остановиться на художественных и семиотических особенностях, поэтому рассмотрим лишь основные аспекты.

Трон — это место связи Неба и Земли, а ван — единственный посредник между двумя мирами, проводник воли Неба. Данный образ, в отличие от центрального расположения, характерен не только для корейской культуры, но и для европейской, русской [13, с. 183–184]. Трон в Корее в период Чосон был ориентирован на юг, поэтому по левую руку вана оказывался восток, по правую — запад. Такое же расположение трона было и в китайском императорском дворцовом комплексе Гугун.

Если же анализировать положение вана относительно изображенных на ширме светил, то Луна (белый круг) всегда находилась по правую его руку, на западе, а Солнце (красный круг) — по левую, на востоке. Оба светила окрашены равномерно, т. е. на ширме отсутствует прямой источник света. Изображение плоское, не объемное, нет игры светотени, оттенков. Нет указаний на время суток или сезон. Время либо застыло, либо постоянно движется по кругу. Таким образом, можно сделать вывод, что на ширме отражена неизменность, бесконечность — *сакральное время*.

В восточной космологии, кроме того, Восток ассоциируется с рождением, а Запад — со смертью. Поэтому положение вана между двумя светилами может означать и то, что он управляет жизнями своих подданных с их первого и до последнего вздоха. Он неизменен, и его власть так же постоянна, как природа.

Образ гор в дальневосточной живописной традиции всегда ассоциировался с твердыней, неподвластной времени: ее не страшат ни снег, ни дождь, ни зной, ни смена времен года или смена десятилетий. Зеленые горы, изображенные на ширме, таким образом, символизируют вечность и неизменность.

Анализируя упоминания возвышенностей в «Славословии царю», Ли Сонми делает вывод о том, что четыре горы из пяти на ширме «Солнце, Луна...» — это

четыре типа гор. Она склонна выделять горы как абстрактные холм, хребет, утес, а центральную, наиболее высокую из пяти гор на ширме, Ли Сонми соотносит с «южной горой», связываемой непосредственно с личностью правителя и его достоинствами [5, p. 483].

Но образы «Славословия царю» — китайские. В XVII–XVIII вв. в Корее начинает складываться этническое самовосприятие [14]. В контексте данной теории горы, изображенные за спиной правителя, символизируют ландшафт и природу именно Кореи (что, разумеется, не противоречит тому, что изначально они могли связываться с китайской культурой). Кроме того, Ли Сонми не учитывает тот факт, что в летописях ширма иногда именуется как «Ширма Солнца, Луны и гор Куньлунь», т. е. гора указывается конкретная.

Преимником китайских гор Куньлунь в Корее в XVIII в. стала гора Пэктусан, так как корейские ученые считали, что она является продолжением одного из отрогов гор Куньлунь, простирающегося к востоку [15, p. 11]. Согласно корейской средневековой географической теории *пхунсу чирисоль* 風水地理說, с горы Пэктусан спускается «Пэктусанский большой ствол», *Пэкту тэган* 白頭大幹, — цепь значительных горных хребтов, по который якобы течет живительная энергия *ки* 氣, наполняющая все государство той же энергией, что питала и питает Китай, «Срединное государство».

Оставшиеся четыре горы абсолютно идентичны, и в разное время разные художники изображали вершины то острыми, напоминающими по форме языки пламени, то покатыми, округлыми. Эти горы — образ, символ ландшафта, всего государства. Таким образом, мы склонны считать, что за спиной вана — его страна, история этой страны, неразрывно связанная с историей и культурой Китая, наследующая его знания и достижения.

Помимо двух светил и пяти вершин, на ширме «Солнце, Луна...» изображены сосны, расположенные по правую и левую стороны. Стволы обычно выполнены в красном цвете, а кроны — в оттенках зеленого, иногда с вкраплениями белого. Число изображенных сосен четное, от двух до четырех, и они вписаны в пространство так, что при центральном расположении вана по обе стороны от него равное количество деревьев — одно или два. Сосны, как и низвергающийся водопад в центре картины, в дальневосточной культуре — символы вечности, постоянства. Также их связывают с пожеланием благоденствия королевской семье и укрепления страны [16, p. 20–21].

Еще одна составляющая национальной картины мира, помимо пространства, времени, света, цвета и рельефа, — число. На ширме «Солнце, Луна...» представлены единица (одно Солнце и одна Луна), двойка (пара сосен, пара потоков водопада, пара светил), пятерка (горные вершины). Опираясь на традиционную китайскую философию, повлиявшую на складывание корейской государственной идеологии и модели мира, мы можем сделать вывод о том, что **единица** — символ одного государя и одной государыни в стране; **двойка** — двойственность, биполярность, *инь* и *ян*, мужское и женское. Все в мире — следствие взаимодействия двух начал. Пара одинаково значимых элементов, принадлежащих к одной породе. Кроме того, биполярная пара, вышедшая из Великого Предела, пребывает в постоянном противоборстве и одновременно взаимном дополнении, и из их сочетания рождается триада Небо — Земля — Человек, где, в случае с ширмой «Солнце, Луна...», под

абстрактным человеком, неразрывно связанным с Небом и Землей, передающим их волю и следящим за ее выполнением, понимается, разумеется, правитель государства. **Пятерка** объединяет в себе представления о сторонах света и центре, пяти элементах, сезонах, цвете и конфуцианских достоинствах. Составленная нами на основе традиционной пятичленной модели мира таблица иллюстрирует взаимосвязи между ними.

Таблица. Представления о сторонах света и центре, пяти элементах, сезонах, цвете и конфуцианских достоинствах

Элемент	Животное	Направление	Сезон	Цвет	Достоинство
дерево	дракон	восток	весна	зеленый	гуманность 仁
металл	тигр	запад	осень	белый	справедливость 義
огонь	феникс	юг	лето	красный	знание ритуала 禮
вода	черепаха	север	зима	черный	мудрость 智
земля	—	центр	межсезонье	желтый	вера 信

Стоит отдельно сказать о ячейке, в которой стоит прочерк: данное положение — центральное, окружено по периметру четырьмя духами-хранителями и расположено на пересечении четырех сторон света, а потому с точки зрения географического пространства было сакральным и предназначалось только для избранных лиц. Оно называлось «светлый зал» *мёндан* 明堂, и, согласно традиционным дальневосточным представлениям, в этой точке на поверхность выходили особые «энергетические потоки», наполняющие того, кто в *мёндан* находится.

Согласно теории *пхунсу чир* *сол*, дворец и непосредственно тронный зал располагались в *мёндан*, которые отыскивали, ориентируясь на особенности ландшафта, специалисты-*пхунсуга*. Таким образом, трон правителя изначально оказывался в *мёндан*: чуть поодаль, слева от правителя стояли гражданские чиновники, справа — военные чиновники, лицом же он был обращен к народу, к дворцовым постройкам, а за его спиной всегда была ширма, символизирующая неизменность.

Ширма «Солнце, Луна и пять пиков» за портретом основателя династии

Корейские ученые полагают, что первая ширма «Солнце, Луна и пять пиков» была создана в конце XIV в. для основателя династии Чосон Ли Сонге 李成桂 (Тхэджо 太祖, 1335–1408, правление 1392–1398) [7, р. 4–5]. На портрете Тхэджо изображен сидящим на драконьем троне, и за ним — золотой фон, символизирующий вечность. Ширма расположена таким образом, чтобы ван сидел точно по центру. Справа и слева от него на одинаковом расстоянии соответственно видны Луна и Солнце, сосны и горы симметричны: с каждой стороны по одной сосне и двум горным склонам. Таким образом, монарх выступает как центральная фигура мироздания.

Между тем невозможно точно установить, действительно ли за тронем Ли Сонге стояла ширма «Солнце, Луна и пять пиков», так как оригинальный портрет утерян, а более поздний (конца XIX — начала XX в.) сделан таким образом, чтобы было возможно повесить его перед ширмой, и именно так он представлен в Государственном музее старых дворцов (Сеул).

Облик монарха всегда был сакрален в Корее, и придворные художники изображали его только на ритуальных портретах *оджин* 御眞, которые составлялись в большинстве случаев посмертно. Для составления *оджин* собирали комиссию, и художники проходили суровый отбор перед действующим ваном. Ведь, как пишет крупнейший специалист по искусству Кореи О. И. Глухарева, «изображение человека было связано с особым учением о законах физиогномики: отдельные части лица как бы соответствуют определенным чертам характера человека. Структура лица, поза, жест — все было подчинено стремлению передать не только внешнее сходство, но и внутреннюю сущность изображаемого человека» [17, с. 164–165]. Известно, что оригинальный портрет Ли Сонге был перерисован в 1688 г., в правление государя Сукчона 肅宗 (1661–1720, правление 1674–1720). Но и этот портрет до настоящего времени не сохранился, потому что был снят и перерисован в правление государя Коджона 高宗 (1852–1919, правление 1863–1897 — ван; 1897–1907 — первый император в истории Кореи). Сведения об этом есть в *ыйгве*, датирующихся 1872, 1901, 1902 гг. [18]. (Примечательно, что на императорском *оджин*, созданном при жизни Коджона, ширма за тронем расположена таким образом, что головной убор правителя совпадает с вершиной центральной горы и фигура монарха кажется неправдоподобно крупной.)

Ширма «Солнце, Луна и пять пиков» в период Чосон

Анализируя оцифрованные и выложенные в общий доступ «Подневные записи королевского секретариата», мы обнаружили, что первое документальное упоминание ширмы «Солнце, Луна и пять пиков» относится только к XVII в.: в «Подневных записях» она фигурирует под названиями «Ширма пяти вершин» 五峯屏 (Обон пён) и «Изображение Солнца, Луны и гор Куньлунь» 日月崑崙圖 (*Ирволь Коннюн до*). Первое упоминание в обоих случаях относится к 1637 г., правлению вана Инджо 仁祖 (1595–1649, правление 1623–1649): в третий день шестого месяца обсуждалось изготовление двух ширм для «Южного зала» Намбёльджон 南別殿 и какой материал следует использовать. Вместо шелка ван отдал предпочтение чесуче из отходов шелковых нитей [19]. Данная запись сообщает нам дополнительную информацию сразу о двух аспектах: 1) до 1637 г. ширмы в Корее использовались, так как не обсуждается ни сюжет, ни цвета, ни причины создания; 2) в правление Инджо ширма функционировала как часть государственного ритуала — замена материала, как мы предполагаем, не была случайной.

В 1636 г. после второго маньчжурского нашествия был захвачен Сеул, и король Инджо, скрывавшийся в осажденной горной крепости Намхансансон 南漢山城, был вынужден подписать унижительный для Кореи договор о вассалитете по отношению к маньчжурам. Согласно синоцентрической модели мира, маньчжуры представлялись «варварами», в отличие от «цивилизованного» Минского Китая, который, однако, на тот момент ничем Корее помочь не мог. Инджо принял

вассалитет, но на уровне ритуала он и его потомки вплоть до XVIII в. продолжали оказывать противодействие маньчжурскому (с 1644 г. — Цинскому) правлению [20, с. 114–122]. Прежде местом встречи правителя Кореи и минских послов служило Ведомство Великого спокойствия *Тхэпхёнган* 太平館, но для маньчжурских послов был подготовлен Намбёльджон, постройка ниже по статусу, находящаяся поодаль. Тот факт, что для висящей в Намбёльджоне ширмы Инджо велит использовать не шелк, а чесучу, говорит нам о том, что, как было «понижено» место встречи с послами, так и ширма как атрибут королевской власти становится «ненастоящей», не соответствующей ритуалу, требующего именно шелковую материю.

Присутствие вана (без изображения оного) в летописях *ыйгве* указывалось, помимо ширмы, также через соответствующие только ему ритуальные предметы: изображение пустого походного трона; сервированных церемониальными блюдами напольных столиков.

В зависимости от ситуации предметы могли изображаться как вместе, так и по отдельности. Например, в коллекции музея университета Корё (Сеул) представлен ряд иллюстраций различных *ыйгве* (всего семнадцать, из них с «присутствием» вана — десять), датирующихся XVIII (с 1741 г.) — XIX вв. [21, р. 160–194]. Ширма «Солнце, Луна и пять пиков» изображена на семи из них. В других случаях идентификатором служит пустой трон, сервированные напольные столики, походный трон. На шести *ыйгве* из семи ширма расположена за пустым тронном (в большинстве случаев — красного цвета).

В иллюстрациях летописи «Книга ритуала, установленного в год ыльмё (1795) при высочайшем посещении усыпальницы принца [Садо]» (*Вонхэн ыльмё чонни ыйгве*) 園幸乙卯整理儀軌, повествующей о празднестве в память родителей вана Чонджо 正祖 (1752–1800, правление 1776–1800), ширма отсутствует.

Как указывает путеводитель по Государственному музею старых дворцов: «...Пир 13 февраля 1795 г. по случаю 60-летнего юбилея матери Чонджо — дамы Хегёнгун — в павильоне Понсудан Хвансонской крепости, специально построенном для события. Понсудан в самом верху символизирует присутствие Хегёнгун. О присутствии Чонджо свидетельствует напольное сидение слева от этого здания, перед которым стоят три сервировочных столика, заполненных яствами» [1, с. 394].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что до конца XVIII в. ширма не считалась единственным непереносимым атрибутом государственной власти и символом монарха. Исследованные *ыйгве* позволяют сделать вывод о том, что ширма «Солнце, Луна и пять пиков» в сочетании с пустым тронном (или без оного) преимущественно символизировала монарха, занятого государственными делами (в том числе награждением сановников, присутствием на государственных экзаменах на чин и др.), а также подобающими «совершенномуудрому» (например, занятие каллиграфией). Пустой походный трон — путешествия вана, его перемещения. Сервированные напольные столики обычно символизировали вана на торжественном пиру.

Однако на более поздних иллюстрациях, приведенных в *ыйгве*, ширма присутствует постоянно. *Ыйгве* отличались большой точностью и строго передавали каждую деталь, поэтому можно предположить, что со второй половины XIX в., после заключения неравноправного Канхваского договора (1876) (первого международного договора, открывавшего Корею для контактов с другими странами и про-

возглашавшего ее «независимость» от Китая), ширма стала неотъемлемой частью государственного ритуала, основным символом вана. Например, мы видим ее как символ присутствия вана Коджона на репродукции дворцовой десятичастной ширмы, иллюстрирующей королевский пир (1887) и торжества по случаю 70-летия вдовствующей королевы Хёджон 孝定王后 (1831–1904), второй супруги Хонджона 憲宗 (1827–1849, правление 1834–1849) (1901). В «Истинных записях (правления) династии Чосон» (1900) также повествуется о прибытии чиновников из Государственного совета с инспекцией во дворец — одним из первых пунктов досмотра стало наличие на стене ширмы «Солнце, Луна и пять пиков» (в летописи она фигурирует как «Картина Пяти вершин» 五峯圖 (*Обон до*) [22].

В колониальный период ширма в государственных ритуалах не использовалась. А 2007 г. она появилась на государственных банкнотах (10 000 вон) — за спиной короля Седжона 世宗 (1397–1450, правление 1418–1450), единственного правителя, чей лик на данный момент присутствует на южнокорейских денежных знаках.

Заключение

Таким образом, стоящая за тронном правителя ширма «Солнце, Луна и пять пиков» символизировала правление монарха, его статус: он утверждался властителем времени и пространства, наследником традиций и хранителем мудрости предков. Каждый визуальный символ (или отсутствие одного, как в случае с источником света) несет скрытое значение, которое между тем было доступно для толкования каждому корейскому интеллектуалу.

Первоначально ширма была лишь одним из атрибутов королевской власти, но со временем ее положение укрепилось, и к концу XIX в. она стала неизменным символом присутствия правителя. В настоящее время ширма располагается за каждым тронном в сохранившихся дворцах Республики Корея, а также в музеях.

Литература

1. *Симбирцева Т. М.* Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 648 с. (*Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. 35)
2. 조선 왕실의 보물 // 국립 고궁 박물관. 서울: 보림, 2008. 80 쪽. [Сокровища королевских покоев периода Чосон // Государственный музей старых дворцов. Сеул: Порим, 2008. 80 с.] (На кор. яз.)
3. 장경희. 고궁의 보물. 서울: 국립 고궁 박물관, 2009. 120쪽. [*Чан Гёнхый*. Сокровища королевского дворца. Сеул: Государственный музей старых дворцов, 2009. 120 с.] (На кор. яз.)
4. 궁에서 왕을 만나다. 서울: 국립 고궁 박물관, 2013. 320쪽. [Встретить вана во дворце. Сеул: Государственный музей старых дворцов, 2013. 320 с.] (На кор. яз.)
5. *Yi Sŏng-mi*. The Screen of the Five Peaks of the Chosŏn Dynasty // 조선 왕실의 미술 문화. 서울, 대원사, 2005. 465-519 쪽. [Изобразительное искусство в королевских покоях [периода] Чосон]. Сеул: Тэвонса, 2005. P.465–519. (на англ. яз.)
6. 英祖實錄 // 朝鮮王朝實錄 1757 [Правление Ёнджо // Истинные записи (правления) династии Чосон. 1757]. URL: http://sillok.history.go.kr/id/ku_a_13302023_001 (дата обращения: 01.12.2018). (На ханмуне)
7. *Kim Hongnam*. An Iconological Study of the Sun-and-Moon Landscape Screens of Yi Palace Halls: Monarchy and the Confucian Principle of Government // Symposium on Korean Art in the Eighteenth Century. February. New York: Asia Society, 1989. P.1–16.
8. Шицзин: Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; коммент. А. Штукина. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.

9. Концевич Л. П. Корееведение. Избранные работы. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. 640 с.
10. 신연훈. 우리 문화, 이웃 문화 // 조선 일보. 16.05.1995 [*Шин Ёнхун*. Наша культура, культура наших соседей // Чосон ильбо. 16.05.1995]. (На кор. яз.)
11. Губин В. Д., Стрелков В. И. Национальные образы философии. М.: РГГУ, 2013. 323 с.
12. Yeolsu Yoon. Korean Art. Folk Painting / trans. Nam Wonjung. Seoul: Yekyong Publishing Co., 2002. 376 p.
13. Пчелов Е. В. Солнце, царь и икона: топография тронного места Московской Руси // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 183–184.
14. Чеснокова Н. А. Пространственные представления и самосознание культуры в Корее в XVII — XVIII вв. По материалам историко-географического памятника «Описание избранных деревень» (Тхэнниджи, 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?): дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 263 с.
15. 李重煥. 擇里志 / 崔南善. 조선 광문회. 서울, 조선광문회, 1912. 89쪽. [*Ли Джунхван*. Описание избранных деревень / под ред. Чхве Намсон. Сеул: Общество «Чосон Кванмунхве», 1912. 89 с.]. (На ханмуне)
16. Minhwa Exhibition: The Naturalness and Innocence of Korean Folk Paintings. Seoul: Korea Minhwa Association, 1996. 60 p.
17. Глухарева О. Н. Искусство Кореи. С древнейших времен до конца XIX века. М.: Искусство, 1982. С. 164–165.
18. 신병주. 조선시대 국왕 얼굴을 어떻게 그렸을까? // 어진 관련 의QUE들 [*Син Бёнджу*. Как рисовали портреты правителей периода Чосон? // Ёйгве, связанные с оджин]. URL: http://kyu.snu.ac.kr/center/content/kingdead1_view.jsp?id=1809&type=37 (дата обращения: 17.11.2018). (На кор. яз.)
19. 承政院日記, 1637 [Подневные записи королевского секретариата, 1637]. URL: <http://sjw.history.go.kr/id/SJW-A15060030-00300> (дата обращения: 17.11.2018). (На ханмуне)
20. Чеснокова Н. А. Дипломатия на грани фола: «верность», «долг» и «садэ» в Корее в XVII–XVIII вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Востоковедение». 2017. Вып. 2. С. 114–122.
21. 서울: 하늘, 땅, 사람. 서울: 서울 역사 박물관; 고려대학교 박물관, 2002. 300 쪽 [Сеул: Небо, Земля, Человек. Сеул: Сеульский исторический музей; Музей Университета Корё, 2002. 300 с.]. (На кор. яз.)
22. 高宗實錄 // 朝鮮王朝實錄. 1900 [Правление Коджона // Истинные записи (правления) династии Чосон. 1900 г.]. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_13706004_001 (дата обращения: 01.12.2018). (На ханмуне)

Статья поступила в редакцию 3 января 2019 г.,
рекомендована к печати 17 июня 2019 г.

Контактная информация:

Чеснокова Наталия Алексеевна — канд. ист. наук, старший преподаватель;
chesnatalie@gmail.com

“The Screen of the Sun, the Moon and the Five Peaks” as the Symbol of Kingship in Korea in the Joseon Period

N. A. Chesnokova

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasniknaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Chesnokova N. A. “The Screen of the Sun, the Moon and the Five Peaks” as the Symbol of Kingship in Korea in the Joseon Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2019, vol. 11, issue 3, pp. 379–390. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.310> (In Russian)

The paper focuses on the one of the Kingship symbols in Korea in the Joseon period namely “The Screen of the Sun, the Moon and the Five Peaks” (*Irworobongbyeong*). The Screen was one of the obligatory attributes of the ruler, it symbolized his presence and connection with the universe. According to the modern South Korean historians, the first Screen was placed behind the lifetime portrait (1393) of the founder of the Joseon dynasty — Yi Seong-gye (T'aejo, 1335–1408, ruled 1392–1398). According to my research, this statement is unreasonable because the portrait of Yi Seong-gye has not survived, and we can deal only with its copy now, that was painted in the 18th century. The article explains that the Screen originally was only one of the symbols of the royal authority but its role changed in the 17–19th centuries, after the Manchu conquered Korean peninsula — this dramatic events led to sudden increase of anti-Manchu and (later) anti-Qing views which influenced and strengthened Korean self-identity. Basing on the historical examples, I conclude that the Screen started to play an important role in the state ritual starting from the anti-Manchu politics but became irreplaceable part of Kingship only in the late 19th century. Apart from the historical view, the article gives interpretation to visual images on the Screen and studies the meaning of the Screen in the state ritual. According to the results of our research the Screen placed behind a King's throne symbolically made a King a ruler of space and time.

Keywords: Korea, *The Screen of the Sun, the Moon and the Five Peaks, Irworobongbyeong*, sacralization of power, legitimacy.

References

1. Simbirtseva T.M. *Rulers of Old Korea*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2012, 648 p. (Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostochnyh kultur i antichnosti, issue XXXV) (In Russian)
2. The Treasures of Joseon Kings' Rooms. Gungnip gogung bangmulgwan. Seoul, Porim, 2008. 80 p. (In Korean)
3. The Treasures of Korean Palace. Gungnip gogung bangmulgwan. Seoul, National Palace Museum, 2009. 120 p. (In Korean)
4. Meeting a King in the Palace. Gungnip gogung bangmulgwan. Seoul, National Palace Museum, 2013. 320 p. (In Korean)
5. Yi Song-mi. The Screen of the Five Peaks of the Chosŏn Dynasty. *Joseon wangsil-ey misul munhwa*. Seoul, Daewonsa, 2005, pp. 465–519.
6. Veritable Records of King Yeongjo's Reign. *Joseon wangjo sillok*. 1757. Available at: http://sillok.history.go.kr/id/kua_13302023_001 (accessed: 01.12.2018). (In Hanmun)
7. Kim Hongnam. An Iconological Study of the Sun-and-Moon Landscape Screens of Yi Palace Halls: Monarchy and the Confucian Principle of Government. *Symposium on Korean Art in the Eighteenth Century. February*. New York, Asia Society, 1989, pp. 1–16.
8. *Shi jing: Book of songs and Hymns*. Transl. A. Stukin. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1987. 352 p. (In Russian)
9. Kontsevich L. R. *Korean Studies: Selected Works*. Moscow, Muravei-Gaid Publ., 2001, 640 p. (In Russian)
10. Shin Yeonhun. Our culture, our neighbours' culture. *The Chosun ilbo*, 16.05.1995. (In Korean)
11. Gubin V.D., Strelkov V.I. *Philosophy's National Images*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013. 323 p. (In Russian)
12. Yeolsu Yoon. *Korean Art. Folk Painting*. Transl. by Nam Wonjung. Seoul, Yekyong Publishing Co., 2002. 376 p.
13. Pchelov E. V. Sun, Tsar and Icon: the Topography of the Throne Place in Muscovite Russia. *Vestnik RGGU. Seria «Istoricheskie nauki. Istoriografiia, istochnikovedenie, metody istoricheskikh issledovaniï»*, 2009, no. 4, pp. 183–184. (In Russian)
14. Chesnokova N. A. *Image of Space and Cultural Self-Identity in Korea in the 17–18th centuries. Based on the historical and geographical work the “Description of the Selected Villages” (T'aengniji, 1751) by Yi Chung-hwan (1690–1756?)*. PhD Thesis. Moscow, 2018. 263 p. (In Russian)

15. Yi Chung-hwan. *Description of the Selected Villages*. Ed. Ch'oe Namseon. Seoul, Joseon Gwangmunhoe, 1912. 89 p. (In Hanmun)
16. *Minhwa Exhibition: The Naturalness and Innocence of Korean Folk Paintings*. Seoul, Korea Minhwa Association, 1996. 60 p.
17. Glukhareva O. N. *Korean Art. From the ancient times to the end of the 19th century*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, pp. 164–165. (In Russian)
18. Shin Byeongju. How the faces of the Joseon Kings were painted? *Uigwe connected to the oejin*. Available at: http://kyu.snu.ac.kr/center/content/kingdead1_view.jsp?id=1809&type=37 (accessed: 17.11.2018). (In Korean).
19. *Diary of the Royal Secretariat*, 1637. Available at: <http://sjw.history.go.kr/id/SJW-A15060030-00300> (accessed: 17.11.2018). (In Korean)
20. Chesnokova N. A. On the Rough Edges of Diplomacy. “Loyalty”, “debt” and “sadae” in the 17–18th centuries in Korea. *Vestnik RGGU. Seriiia «Politologiiia. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia. Vostokovedenie»*, 2018, no. 2, pp. 144–122. (In Russian)
21. *Seoul: Sky, Earth, Human*. Seoul, Seoul yeoksa bangmulgwan, Goryeo daehakkyo bangmulgwan, 2002. 300 p. (In Korean)
22. Veritable Records of King Gojong’s Reign. *Joseon wangjo sillok*. 1900. Available at: http://sillok.history.go.kr/id/kza_13706004_001 (accessed: 01.12.2018). (In Hanmun)

Received: January 3, 2019
Accepted: June 17, 2019

Author’s information:

Nataliya A. Chesnokova — PhD (History), Senior Lecturer; chesnatalie@gmail.com